

Глава 26. Я хочу поцеловать его

Ань Но медленно шел по лестнице обратно к процедурному кабинету. Он мельком взглянул на часы: семь утра. Бай Ичэнь ничего не ел с позавчерашнего дня, он наверняка проголодался. Ань Но открыл крышку термоса и поднес ладонь к горлышку — каша была еще совсем горячей. В воздухе разлился густой аромат куриного бульона с тонкими нотками целебных трав — очень питательно. Разумеется, кашу варил не сам Ань Но: в кулинарии его таланты ограничивались завариванием лапши и приготовлением яичницы. Ну, в крайнем случае, он мог отварить пачку макарон и сделать к ним жарку, если в холодильнике завалялся кусок мяса. Ради этой каши он специально трясся полчаса на мотоцикле Zongshen до восточной части города.

Остановившись у знакомой занавески, Ань Но к своему прискорбию обнаружил, что Сяо И всё еще всю его поносит.

«Неужели я настолько никчемный человек?» — горько усмехнулся Ань Но.

— Сяо Бай, я тебе вот что скажу, — в голосе Сяо И сквозило такое предвкушение хаоса, что Ань Но захотелось треснуть его термосом по голове. — Когда твой старший брат Ань только пришел к нам, у него не было этой дурацкой стрижки под ежика. Волосы были длинные, с такой челкой на пробор, выглядел парень чертовски эффектно. В первый же вечер, как вышел на работу, вокруг него столько бабочек вилось... О-о, это надо было видеть! Какая-то девица тут же побежала к брату Чжэну узнавать, можно ли заказать Ань Но «на вынос». Причем интересовались и девушки, и парни!

Бай Ичэнь, который сам был свидетелем гей-предложения в баре, даже бровью не повел. Он лишь тихо рассмеялся и с любопытством спросил:

— И что дальше?

— А дальше Ань Но заявил: если он понравится парню, то тот сначала должен его победить в драке, и вообще, Ань Но — только «Единица». А если девушке — то достаточно быть симпатичной, но предупредил, что он обожает садомазо и выступает только как S!

— А? — Бай Ичэнь не удержался от смеха. — Он правда так сказал?

— Слово в слово! Потом завсегда и просекли фишку и перестали к нему лезть. Но нашлась одна девица, упертая: заявила, что как раз обожает SM и вообще она по натуре «Доу-М»... Угадай, что выкинул Ань Но?

— Что? Неужели и правда S-ил её?

— Он? Ха-ха-ха! Он увел её с собой. Мы все тогда обалдели, думали: ну и извращенец этот

малый! А через десять минут он возвращается. И знаешь что? Ха-ха, ни за что не поверишь! Она его спросила, как он хочет развлечься, а этот тип велел ей найти себе кого-нибудь другого и заявил, что сам он любит только смотреть! Чем жарче другим, тем больше кайфа ловит он сам...

Этого Ань Но стерпеть уже не мог. Его планка моральных принципов и так порой опускалась до пугающих глубин, но такие истории были выше всяких сил. Тем более что слушателем был Бай Ичэнь — человек, которого он бережно хранил в самом потайном уголке своего сердца. Ань Но порой даже в мыслях не смел его осквернить; сколько раз в полночный час он презирал себя за то, что самоудовлетворение после мечтаний об Бай Ичэне приносило больше стыда, чем удовольствия. Тогда, в баре, он просто хотел отвязаться от назойливой толпы и молот первое, что приходило в голову — чем безумнее, тем лучше. Но сейчас ему хотелось выглядеть в глазах парня надежным, достойным доверия... идеальным, если это вообще возможно.

Терпение лопнуло.

Ань Но резко откинул занавеску и точным ударом ребра ладони приложил Сяо И по шее. Тот вскрикнул так, что все в процедурке вздрогнули. Через секунду со всех сторон посыпались ругательства, и Сяо И, вжав голову в плечи, затих на краю кровати Бай Ичэня.

Бай Ичэнь не успел спрятать улыбку. Он так и сидел, весело глядя на внезапно возникшего Ань Но: тот стоял с высоко поднятой правой рукой, а в левой сжимал термос. Лицо Ань Но пылало от смущения. Он замер у койки, глядя, как этот чистый, светлый мальчик лучезарно ему улыбается, и совершенно не знал, куда деть руки.

Ичэнь смеялся искренне. Он не сомневался, что Ань Но — человек обаятельный, и уж точно не верил, что тот извращенец. На самом деле его развеселило не «извращение» Ань Но, а его способ отказывать. Умный Бай Ичэнь сразу понял: старший брат Ань готов был нести любую околесицу и портить себе репутацию, лишь бы отвязаться от назойливых поклонников. Это его несказанно радовало.

— Бай Ичэнь! Чего тут смешного? — Ань Но видел, как улыбка парня становится всё шире, а в глазах пляшут озорные искорки. От неловкости он смог выдавить из себя лишь этот ворчливый вопрос.

— Всё! — Бай Ичэнь честно кивнул. — Ужасно смешно!

Ань Но окончательно сдался. Весь его запал испарился. Он опустил руку и посмотрел на Сяо И, который притворялся трупом на кровати больного, и отвесил ему увесистый пинок:

— А ну вставай!

— Я сплю... — донеслось в ответ.

Еще один пинок.

— Катись домой и спи там!

— А если я уйду, кто за Сяо Баем присмотрит?

— Я здесь, так что ты не нужен, — фыркнул Ань Но.

— Да ладно тебе, герой-любовник! Что ты можешь? Сейчас опять какая-нибудь красотка позовет, и снова мне прилетай! — Сяо И заговорщицки подмигнул Бай Ичэню, не заметив, как взгляд того мгновенно потух, а улыбка сползла с лица.

— Исчезни! Какая еще красотка! — Ань Но проклинал себя за то, что связался с этим придурком. С таким другом и врагов не надо: вечно всё испортит в самый неподходящий момент.

— А что, не красотка? Друг, ты реально решил с мужиком кувыркаться? Раньше за тобой такой тяги не водилось, — Сяо И понизил голос и сально сощурился, поглядывая на Ань Но.

Тут уж Ань Но не выдержал. Он вцепился в загривок Сяо И, нажав на болевые точки. Тот вскрикнул и мигом вскочил:

— Ладно, ладно, ухожу! Брат, виноват, отпусти!

— Проваливай! — лицо Ань Но из багрового стало почти черным от гнева.

— Есть! — Сяо И поспешно выпрямился, бросил дежурное: «Сяо Бай, я пошел», и был таков.

В процедурке повисла тишина. За это короткое время Бай Ичэнь успел пройти через весь спектр чувств: от радости и смеха до острой горечи. Он медленно взял себя в руки, и в памяти всплыли вчерашние события: раздражение Ань Но, его резкий уход. Он вспомнил, как сидел на этой самой кровати, не отрывая взгляда от двери, считая каждую секунду в ожидании, когда же Ань Но «вернется после перекура». И вспомнил то отчаяние, которое накрыло его, когда вместо Ань Но вошел Сяо И.

Бай Ичэнь заставил себя улыбнуться и сказал вслед уходящему:

— Сяо Сяо-цзы, ступай с миром.

Тот шутливо поклонился и пулей вылетел из палаты.

Ань Но был готов провалиться сквозь землю. Он снова облажался. Опять выставил себя дураком перед Бай Ичэнем.

И зачем он прогнал Сяо И? Теперь этот оболтус дрыхнет дома, а ему самому что делать?

Вдруг Ань Но понял, что Сяо И был просто незаменим. Он служил идеальной буферной зоной. Пока он болтал всякую чешь, обстановка оставалась непринужденной, Ань Но мог вести себя естественно, да и Бай Ичэнь был весел. А теперь?

Если выражаться поэтично — как смотреть в глаза тому, кого любишь до боли, но не смеешь признаться?

А если проще — как после вчерашнего крика и бегства из больницы теперь строить из себя заботливого брата? Совесть всё-таки еще подавала признаки жизни.

Ань Но замер у кровати. Весь его оперативный ум ушел в отпуск, оставив вместо себя лишь растерянность.

Бай Ичэнь искоса поглядывал на него: Ань Но стоял мрачнее тучи, молча, словно грозное божество. Сердце парня сжалось от тупой боли: «Он всё-таки злится. Наверное, его вывели из себя шутки Сяо И, и теперь я ему в тягость».

Они стояли друг напротив друга — один смущенный, другой подавленный, пока Бай Ичэнь не отвернулся, уставившись в потолок. Этот жест словно привел Ань Но в чувство.

«Да что со мной такое? Я же старший брат, ну опозорился немного, велика беда! Тем более всё это вранье», — успокоил он себя. Он подтянул ногой стул, на котором сидел Сяо И, и уселся совсем рядом. Его колени уперлись в каркас кровати, он подался вперед, опираясь локтем о матрас, и совершенно естественно коснулся ладонью лба Бай Ичэня.

— Хм, теперь понятно, почему ты такой бодрый. Жара больше нет.

Бай Ичэню показалось, что эта ладонь — теплая, чуть шершавая — прикоснулась не к коже, а к самой его душе. Стало так уютно, что он весь отогрелся изнутри.

— Да, мне гораздо лучше... Спасибо, старший брат Ань.

Он сам не понял, почему добавил это «спасибо», хотя на сердце от этих слов стало немного тоскливо.

Ань Но словно не заметил натянутости. Он открыл термос, и по комнате поплыл густой аромат куриного супа с легким целебным оттенком. Он уже потянулся с ложкой к парню, но вовремя

спохватился. Поставив термос на тумбочку, Ань Но подошел к изножью кровати и подкрутил ручку, поднимая спинку, чтобы Бай Ичэнь мог сесть. Затем он зачерпнул порцию каши и поднес к губам парня.

Бай Ичэнь в замешательстве открыл рот и механически проглотил первую ложку.

Ань Но внимательно следил за его реакцией. Видя, как тот спокойно ест, не сводя с него глаз, он снова почувствовал, что краснеет.

— Давай еще ложечку, — он снова протянул еду. — Бай Ичэнь, насчет вчерашнего... У меня правда возникло срочное дело. Я ушел в спешке, а бежать обратно наверх, чтобы предупредить, было некогда... То есть, я побоялся, что не успею... В общем, поленился я заходить. Не думал, что застряну так надолго. Я обещал Сяо И вернуться к восьми, думал, что управлюсь к трем-четырем утра.

Бай Ичэнь слушал, проглатывая третью ложку.

«Зачем ты оправдываешься? Боишься, что я обиделся?»

Проницательный Бай Ичэнь сразу заметил, как Ань Но трижды менял версию: сначала сказал, что не зашел, чтобы «не терять время», потом — что «боялся опоздать», и в конце концов просто признал, что «поленился».

— Старший брат Ань, я понимаю, что у тебя были важные дела. Я не сержусь, не нужно объясняться, — мягко ответил Бай Ичэнь.

В окно заглянуло утреннее солнце, заливая палату золотисто-розовым светом. Ань Но завороченно смотрел, как этот свет обрисовывает четкий профиль Бай Ичэня: разлет густых черных бровей, придающих лицу мужественность; аккуратный нос и длинные, густые ресницы, отбрасывающие тени на щеки. Глаза, обычно сверкающие, сейчас казались глубокими и чистыми озерами, в которых Ань Но готов был утонуть без остатка. На губах парня после каши остался влажный след, блестевший в лучах солнца.

Ань Но вдруг вспомнил губы своей бывшей девушки. Он видел, как она наносит макияж: бальзам, контур, помада кисточкой, сверху блеск... Губы становились похожими на кристальное желе. Тогда он поражался, как много усилий требует красота. И помнил вкус поцелуя — приторный химический аромат парфюмерии. Красиво, но совсем не сладко.

А ведь настоящая красота не требует усилий. Достаточно просто накормить его кашей.

Ань Но смотрел на эти влажные, сияющие губы и замер.

«Я хочу поцеловать его».

Бай Ичэнь действительно проголодался. После сорока восьми часов без нормальной еды и изматывающего жара его организм требовал топлива. Заметив, что он уже секунд десять сверлит взглядом термос, а Ань Но застыл с ложкой в руках, явно не собираясь продолжать, парень решил взять инициативу в свои руки.

Он потянулся к термосу, напрочь забыв о капельнице. Ань Но мгновенно очнулся от своих грез и бросился придерживать его левую руку. Он среагировал быстро, но в тонкой трубке всё равно показалась алая кровь. Ань Но нахмурился, осторожно накрыл ладонью руку Бай Ичэня, а другой рукой вернул термос себе.

— Брат Ань, ну не жадничай, — Бай Ичэнь с вожделием смотрел на кашу, которая теперь оказалась в полуметре от него.

Он был так увлечен едой, что даже не заметил, как его ладонь осталась в руках Ань Но. Ань Но не смел опустить взгляд, боясь, что его чувства станут слишком очевидны и Бай Ичэнь отстранится. Он слегка сжал пальцы, чувствуя под ладонью костлявую и немного загрубевшую от работы руку. Кончиком указательного пальца он едва заметно провел по ладони Бай Ичэня, ощущая жесткие мозоли. Парень был таким худым, что суставы пальцев больно упирались в руку Ань Но. Он накрыл своим большим пальцем его вену и, кажется, почувствовал самую пульсацию ледяного лекарства, текущего по сосудам.

«Надо его откормить», — подумал Ань Но. Он осторожно положил руку Бай Ичэня на кровать, зачерпнул полную ложку каши и почти насильно отправил её парню в рот.

— Ешь давай, а то болтаешь много!

— М-м... — прожевав, Бай Ичэнь невнятно спросил: — О чем ты сейчас задумался?

— Деньги считал! С учетом бензина, каши и вчерашнего экстренного приема ты мне уже кругленькую сумму задолжал!

Бай Ичэнь лукаво прищурился:

— А я разве просил покупать кашу? Просил везти меня в больницу? Или платить за лекарства? Нет ведь. Так что...

— Вот же неблагодарный! Бай Ичэнь, ты просто ходячая копилка! — Ань Но не выдержал и рассмеялся. — С твоим подходом тебе только коллектором работать.

— Отличная карьера. Если с общепитом не выгорит, пойду покорять финансовый рынок, — весело отозвался Бай Ичэнь.

— Бай Ичэнь, — Ань Но пропустил шутку мимо ушей, ухватившись за главное. — Тебе правда

так сильно нужны деньги?

— А кому они не нужны? Лишними не бывают.

Ань Но почувствовал, что эта тема парню неприятна, и решил не давить:

— Твоя правда. Я тоже деньги люблю, с ними жизнь приятнее... Давай, еще ложечку.

— Каша и правда чудо. Брат Ань, это точно не ты варил! — Бай Ичэнь с готовностью перевел тему.

— Ах ты... Ладно, спишем на то, что ты меня «братом» называешь. Не буду спорить.

Сказав это, Ань Но втайне надеялся услышать в ответ что-то вроде: «Конечно, ты же мой брат». Для него это было бы самым безопасным и правильным финалом — остаться в привычной колее.

— Ну да, ты же мой старший брат, заботиться обо мне — твой святой долг! — спокойно произнес Бай Ичэнь. Эти слова так точно совпали с мыслями Ань Но, что тот на мгновение испугался, не произнес ли он их вслух.

Ань Но был готов всю жизнь играть роль этого самого «старшего брата», лишь бы быть рядом.

— Брат Ань, каша! — Бай Ичэнь закатил глаза, видя, что тот снова витает в облаках.

Ань Но смущенно улыбнулся:

— Прости... Ночь не спал, голова тяжелая.

— О-о, весенняя ночь стоит тысячи золотых, спать — только время переводить! — небрежно бросил Бай Ичэнь, глядя прямо перед собой. Его голос был ровным, но взгляд — застывшим.

Ань Но опустил глаза к термосу, подавляя внезапную острую боль в груди. Он заставил себя выдавить застенчивую улыбку:

— Ну... это... Ты еще мал, подрастешь — поймешь.

Ань Но не сказал ничего лишнего, но в то же время подтвердил всё.

Бай Ичэнь на секунду взглянул на потолок, а потом всё так же весело спросил:

— Ну, и когда мне представят невестку?

Ань Но отправил очередную ложку каши ему в рот:

— Когда я решу, что она достойна ею стать!

<http://bllate.org/book/18167/1751844>